

БИЛЬФИНГЕРЪ, ГЕОРГЪ-БЕРНГАРДЪ, АКАДЕМИКЪ СНАЧАЛА ПО
КАӨЕДРЪ ЛОГИКИ, МЕТАФИЗИКИ И МОРАЛИ, А ПОТОМЪ — ФИЗИКИ.

О немъ извѣстія: *Fortsetzung und Ergänzungen zu Christian Gottlieb Jöcher's allgemeinem Gelehrten-Lexicon von J. C. Adelung*, I, 1862 — 1864. Какъ источникъ для біографіі, здѣсь указанъ Schmersahls *Zuverl. Nachr.* II, 265, и есть перечень сочиненій и статей Бильфингера. Статья въ *Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber*, IX, 185 — 186, составлена по сочиненіямъ: *Tafingers Leichen-Rede auf Belfengern*, in fol., Tübin., 1750. Beitrag zu *Bilfingers Geistes und Lebens Geschichte* (von Abel) in *Mosers Patriot. Archiv* IX, 359 — 402. Извѣстія Мюллера о Бильфингерѣ приведены въ Ученыхъ Запискахъ Академіи по I и III отд., III, 693, 694.

Бильфингеръ родился въ Канштадтѣ на Нѣманѣ, 23 января 1693 г. При рождениіи онъ имѣлъ на рукахъ двѣнадцать, а на ногахъ одинадцать пальцевъ, что было не рѣдкость въ его родѣ, отчего предки его и получили название *Bilfinger*, или лучше сказать *Bielfinger*. Родители его велѣли еще въ дѣтствѣ

его отнять излишніе пальцы. Послѣ изученія наукъ въ Тюбингенѣ, онъ, пристрастившись къ сочиненіямъ Вольфа, отправился нарочно въ Галле, чтобы слушать его лекціи. Здѣсь, въ продолженіе трехлѣтняго пребыванія, образовалась между наставникомъ и ученикомъ тѣсная связь, и послѣдній самъ свидѣтельствовалъ, что онъ многимъ обязанъ Вольфу въ направленіи и опредѣленности своихъ идей. По возвращеніи въ Тюбингенъ, Бильфингеръ получилъ мѣсто экстра-ординарнаго профессора философіи; сверхъ того, былъ наставникомъ математики въ *Collegium illustre* (особое заведеніе, существовавшее самостоятельно при тюбингенскомъ университѣтѣ и исключительно предназначеннное для воспитанія дѣтей аристократовъ). Изъ сочиненій его, изданныхъ въ бытность его въ Тюбингенѣ, въ свое время обратили въ особенности вниманіе слѣдующія:

1) *De harmonia animi et corporis humani maxime praestabilita, commentatio hypothetica. Accedunt solutiones difficultatum a Foucherio, Baylio, Lamio, Tourneminio, Newtono, Clarkio atque Stahlio motarum*, 1723 г., въ 8°. Эта книга въ 1734 году въ Римѣ попала въ *Index librorum prohibitorum*: въ ней доказывалась несостоятельность прежнихъ теорій о соотвѣтствії тѣла съ душою, развивалась теорія Лейбница и оспаривались сомнѣнія, высказанныя Фуше, Бэлемъ, Ньютономъ, Кларкомъ и др.

2) *Dilucidationes philosophicae de Deo, anima humana, mundo et generalioribus rerum affectionibus*. 1726, (4°). Этотъ трактатъ выдержалъ нѣсколько изданій. Кромѣ того, были извлечения и передѣлки его. Здѣсь Бильфингеръ, согласно принятому имъ плану членій, обстоятельно излагалъ лейбнице-вольфіанскую метафизику и защищалъ ее противъ ея порицателей. Какъ ни много пріобрѣлъ онъ извѣстности этими сочиненіями, однако она не защитила его отъ ненависти черезъ-чуръ православныхъ сотоварищѣй, которые съ такимъ успѣхомъ прокричали его атеистомъ, что всѣ отъ него удалялись и зала во время его лекцій была почти пустою.

По отзыву Клюпфеля, Бильфингеръ, „съ свѣтлымъ миросо-

зерцаніемъ и тонкимъ умомъ былъ замѣчательнѣйшимъ изъ послѣдователей Лейбница. Какъ преподаватель, онъ встрѣчалъ огромное сочувствіе живымъ, яснымъ изложеніемъ и природнымъ даромъ во всякомъ предметѣ обращать вниманіе на практическую его сторону. Этотъ способъ казался господствующимъ у него какъ въ математическомъ, такъ и философскомъ ученіи. Въ послѣднемъ онъ скоро вступилъ въ столкновеніе съ теологами, полагавшими, что надобно бояться его, всѣмъ доступной ясности, съ которой онъ старался примѣнять начала новой философіи къ религіознымъ истинамъ. Богословы предостерегали студентовъ отъ его неологіи, отсовѣтовали имъ его слушать и замедляли его возвышеніе въ ординарные профессора¹⁾.

Поэтому для него пришло въ высшей степени кстати приглашеніе вступить въ члены основывавшейся тогда въ Петербургѣ Академіи наукъ.

Въ 1724 году, Христіанъ Вольфъ не преминулъ обратить вниманіе Блюментроста на Бильфингера, о которомъ, 7 мая, отзывался: „онъ въ математикѣ былъ моимъ слушателемъ и очень свѣдущъ въ философіи — голова съ огромными способностями; ученый, пріобрѣвшій особенное уваженіе своими сочиненіями. Бильфингеръ проникнуть величайшимъ почтеніемъ къ его императорскому величеству, всегда выказываетъ его и меня самаго побуждаетъ вступить въ русскую службу. Поэтому должно предполагать, что его можно будетъ уговорить. Онъ способенъ быть профессоромъ морали и политики, каковую должность имѣеть въ Тюбингенѣ вмѣстѣ съ преподаваніемъ математики... Хотя ему за 30 лѣтъ, однако онъ еще не женатъ, а такие люди могутъ свободнѣе располагать собою, чѣмъ тѣ, у которыхъ есть препятствія отъ семейства“²⁾.

Блюментростъ воспользовался этою рекомендаціею, и графъ Головкинъ велъ, чрезъ посредство самого Вольфа, переговоры о вызовѣ въ Россію Бильфингера. При этомъ случаѣ герман-

¹⁾ Klüpfel's Geschichte und Beschreibung der Universität Tübingen, стр. 154, 155.

²⁾ Briefe von Cristian Wolff (St.-Petersburg 1860), 24, 25.

скій философъ крѣпко отстаивалъ материальныя выгоды бывшаго своего ученика. „Г. Бильфингеръ, писалъ онъ, такой же великой философъ, какъ г. Гейстеръ анатомъ, а г. Германъ математикъ; между тѣмъ первому изъ нихъ предложено 1.500 р., а другому 2.000 р.... Хорошаго философа труднѣе найти, чѣмъ хорошаго математика, и онъ во всѣхъ странахъ рѣдкость“¹⁾.

Контрактъ съ Бильфингеромъ былъ заключенъ 1 марта 1725 года: въ силу его, онъ былъ принятъ на пять лѣтъ на каѳедру логики, метафизики и морали, съ обязательствомъ привезти съ собою одного или двухъ студентовъ²⁾. Отправляя своего послѣдователя въ Петербургъ, Вольфъ съ особеною заботливостью рекомендовалъ его Блюментросту: „вы увидите, писалъ онъ, что его отпустили очень милостиво и что очень дорожатъ его способностями³⁾). Вы также убѣдитесь изъ обращенія его, что онъ искусенъ не только въ тѣхъ наукахъ, для которыхъ принятъ, но также въ физикѣ и математикѣ. Поэтому я еще разъ ходатайствую предъ вами быть ему патрономъ и покровителемъ и въ особенности на то обратить вниманіе, что онъ уступить только одному г. Герману, потому что считается славнѣйшимъ германскимъ профессоромъ, и вы сами найдете, что у него есть заслуги“⁴⁾.

Бильфингеръ во все время своего пребыванія въ Петер-

¹⁾ Briefe von C. Wolff, 29 — 30.

²⁾ I, Eingekommende Briefe pro Anno 1725.

³⁾ Здѣсь Вольфъ намекаетъ на отпускъ, данный Бильфингеру отъ вюртембергскаго герцога въ чрезвычайно лестныхъ для него выраженіяхъ: тамъ онъ названъ ученымъ, основательно изучившимъ теологію, философию и особенно математику, и уже занявшимъ въ ученомъ мірѣ высокое мѣсто различными сочиненіями и проч. Записки Академіи наукъ по I и III отдѣленіямъ, I, статья г. акад. Куника: «Историко-литературная Лѣтопись Академіи», 529.

⁴⁾ Briefe von Christian Wolff, 50.

Предъ отъездомъ изъ Тюбингена, Бильфингеръ произнесъ рѣчь «De reductione Philosophiae, speciatim Logicae, Metaphysicae et moralium disciplinarum oratio recitata in Collegio illustri, cum Tubingensibus Musis valediceret, ad Academiam Scientiarum Petropolitanam evocatus, Georgius Bernhardus Bulfinger, antehac Moralium et Matheseos prof. Ord. in colleg. Principum illustri Tubingae, nunc Academiae Scientiarum Petropolitanae sodalis et Prof. Log. Metaph. et Moral. Ordinarius. Рѣчь эта приложена къ выше-помянутымъ Dilucidationes philosophicae. Ученые записки Академіи наукъ по I и III отд., I, 529. 530.

бургъ жиль вмѣстѣ съ Германомъ. При первомъ представлениі академиковъ императрицѣ Екатеринѣ I, $\frac{15}{26}$ августа 1725 г., онъ, послѣ Германа, сказалъ предъ этою государынею рѣчъ на нѣмецкомъ языкѣ. По словамъ Мюллера, „въ этой рѣчи охуждали тогда, что Бильфингеръ произносилъ ее съ многими, слишкомъ рѣзкими жестами, а при имени Петра черезъ-чуръ замѣтно, хотя и съ прекрасными намѣреніями, возвышалъ свой голосъ“.

26 сентября 1725 года, Вольфъ писалъ къ Блюментросту: „Г. Бильфингеръ очень мнѣ хвалитъ, какъ хорошо ему въ Петербургѣ, а гр. Головкинъ сообщаетъ, какъ милостиво всѣ академики были приняты. Я, съ своей стороны, легко могу предвидѣть, что Бильфингеру будетъ тамъ пріятнѣе жить, чѣмъ въ Германии, гдѣ каждый другъ друга преслѣдуjeтъ и другъ другу завидуетъ; если онъ пожелаетъ отличиться, то въ Петербургѣ у всѣхъ вмѣстѣ эта цѣль, и ни одинъ не имѣетъ причинъ завидовать другому. Желаю, чтобы скоро заграницею услышали еще болѣе славное для Академіи“¹).

Въ первомъ публичномъ засѣданіи нашей Академіи, 27 декабря 1725 года, Бильфингеръ произнесъ на латинскомъ языкѣ рѣчъ, которая напечатана въ книжѣ подъ заглавіемъ: *Sermones in primo solenni Academiae scientiarum imperialis conventu die XXVII decembris anni MDCCXXV publice recitati. Petropoli, sumptibus Academiae scientiarum. 120 стр. въ 4°*²). Предъ начальомъ текста виньетта съ надписью *Rosb. sc., Lips.*; находящееся здѣсь посвященіе принадлежитъ, по свидѣтельству Мюллера, также перу Бильфингера. Содержаніе этой рѣчи такъ объяснено въ современномъ русскомъ объявленіи, напечатанномъ о торже-

¹) Briefe von Christian Wolff, 64.

²) Хотя на заглавіи выставленъ Петербургъ, но сохранился разсказъ Мюллера (*Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften*, 106, 107), что книга напечатана въ Ревель, куда нарочно былъ посланъ академикъ Гроссъ для держанія корректуръ. Виньетта же вырѣзана въ Лейпцигѣ, что можно видѣть изъ надписи *Rosb. sc., Lips.* На ней изображенъ двугла-

вой орелъ съ большимъ щитомъ на груди, гдѣ представлены три человѣка: одинъ просыпается, другой сѣть, а третій кладеть въ мельницу сѣмена; кругомъ надпись: *secernit falsum, verum auget et usibus aplat.* Это первое эмблематическое изображеніе Академіи возбудило въ современникахъ разныя насмѣшки и шутки, а потому оно и было употреблено только этотъ одинъ разъ.

ственномъ собраніи Академіи: „въ семъ первомъ собраніи профессоръ Физіки Ежпериментальныя и Теоріческія Господінъ Георгій Бернгардъ Білфінгеръ, не токмо віны сего самаго устава Академіческаго Господамъ слушателемъ тако изъявітъ, что въ ономъ изчісленіи лѣть будеть, велію Блаженныя и Вѣчнодостойныя памяти Основателя, и Велікодержавныя Покровителницы мудрость и щедроту о ползѣ же и славѣ Россійскаго народа, попеченіе уразумѣти, и покорнѣше почитати, но къ тому и изслѣдованіе сотворітъ. Уже ли доселъ ученые люди, толкая въ Теоріи Магнетіческои возымѣли преуспѣянія? да бы лѣть было полное оттуду, труднѣшаго вопроса о изобрѣтеніи долготы мѣстъ на земли и на мори, воспріяти рѣшеніе?“...

По желанію Остермана, Бильфингеру было поручено написать инструкцію для обученія юнаго императора Петра II. Эта самая инструкція, по свидѣтельству Мюллера, напечатана на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а подлинникъ, написанный на нѣмецкомъ языкѣ самимъ Бильфингеромъ, хранится нынѣ въ государственномъ архивѣ и найденъ между бумагами графа А. И. Остермана, главнаго воспитателя Петра II. Кромѣ того, Бильфингеръ обязанъ былъ составить для императора учебникъ новой исторіи. Изъ писемъ Бильфингера видно, что имъ были составлены уже статьи о Швеціи, Польшѣ и Данії¹⁾.

Въ жизнеописаніи Шумахера (стр. 22 — 24) было уже говорено о враждебныхъ отношеніяхъ его къ Бильфингеру. Когда Блюментростъ спросилъ мнѣнія Шумахера о письмѣ Бильфингера, гдѣ онъ сообщалъ, что ему предлагается мѣсто отъ герцога вюртембергскаго, но что онъ остался бы въ петербургской Академіи наукъ, когда бы ему было увеличено жалованье до 1.200 руб., а послѣ отѣзда изъ Россіи Германа до 2.000 руб., то бібліотекарь отвѣчалъ 29 августа 1728 года:

„Письмо, сообщеніемъ съ котораго копіи вы сдѣлали мнѣ честь, совершенно утвердило во мнѣ мнѣніе о писавшемъ его:

¹⁾ Мюллеръ (въ рукописи *Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg*) говоритъ, что этотъ трудъ Бильфингера начали

печатать и было уже готово до 12 полулистовъ, но они остались безъ употребленія и въ свѣтъ не были изданы.

это ученый, но съ умомъ беспокойнымъ, неспособнымъ остановить свои желанія. Цѣль его письма клонится къ получению ежегодно 1.200 рублей нынѣ, и двухъ тысячъ рублей послѣ смерти или отъѣзда г. Германа. Онъ основываетъ свои притязанія: во 1-хъ на томъ, что онъ исполняетъ все, что представляетъ ему случай; во 2-хъ на преміи, полученной имъ въ Парижѣ, и въ 3-хъ на потерѣ, которую понесетъ, отказавшись отъ должности, предлагаемой ему, въ уваженіе его заслугъ, при вюртембергскомъ дворѣ. Такъ-какъ вы дѣлаете мнѣ честь, требуя отъ меня мнѣнія по этому предмету, то я вамъ выскажу его откровенно. Притязаніе этого господина несправедливо, неосновательно, дерзко. Если онъ работаетъ, то исполняетъ только свою обязанность, будучи долженъ въ силу контракта употреблять всѣ свои силы для славы Академіи и преуспѣянія наукъ. Что касается до преміи, то въ этомъ, мнѣ кажется, онъ скорѣе обязанъ Академіи, а не Академія ему, потому что я увѣренъ, если бы онъ оставался въ Вюртембергѣ, или послалъ бы свое сочиненіе изъ другаго мѣста, только не изъ Петербурга, или въ другое время, когда не было рѣчи о медаляхъ¹⁾, тогда бы не было ему случая къ поступку, на который скромному человѣку было бы трудно рѣшиться... Не опасайтесь, милостивый государь, чтобы въ случаѣ отказа проситель уѣхалъ. Напротивъ, если вы покажете видъ, что покидаете его, то онъ будетъ затрудненъ. Отвѣтьте ему, что теперь не время дѣлать просьбы такого рода; по истечениіи же контракта, когда онъ пожелаетъ остаться долѣ въ службѣ его императорскаго величества, тогда обратятъ всевозможное вниманіе на его заслуги и прибавятъ къ его жалованью все, что будетъ въ состояніи его удовлетворить въ томъ случаѣ, если онъ предпочтеть прибыльной и почетной должности, пред назначенной ему его свѣтлостью (герцогомъ вюртембергскимъ), свою любимую

¹⁾ Здѣсь Шумахеръ имѣетъ въ виду медали, посланныя въ парижскую Академію наукъ изъ петербургской и выпитыя на кончину Петра Великаго. Фонтенелль, тогдашній секретарь па-

рижской Академіи, писалъ къ Блюментросту, что медали эти, которыхъ были золотыя, ont fait un extrême plaisir à toute la Compagnie... Рукописный сборникъ г. Свенске, № 445.

науку. Ему не откажутъ и въ отставкѣ, хотя и будуть имѣть съ нимъ переписку для преуспѣянія наукъ. Повѣрте мнѣ, милостивый государь, если вы, говорю я, отвѣтите ему такимъ образомъ, то онъ перемѣнитъ мнѣніе, особенно если въ тоже время напишите къ г. Эйлеру, которому онъ завидуетъ, чтобы онъ занимался опытною физикою. — Вотъ мое мнѣніе о помянутомъ письмѣ, впрочемъ остаюсь и проч.¹⁾.

Во все продолженіе пребыванія Бильфингера въ Петербургѣ, онъ, вмѣстѣ съ Германомъ, былъ въ открытой враждѣ съ молодыми братьями Бернулли. Въ юлѣ 1729 г., ученые споры съ младшимъ изъ нихъ, Данииломъ, дошли-было даже до разбирательства особой комиссіи, учрежденіе которой присовѣтовалъ Шумахеръ²⁾. Въ это время въ письмахъ библіотекаря къ президенту особенно часто попадаются выходки противъ Бильфингера. Такъ въ письмѣ, 14 августа 1729 года, послѣ разсказовъ „что академикъ обратилъ въ смѣшное приказанія, данныя президентомъ“ прибавлено: „г. Германъ не одобряетъ его поступковъ, а всѣ прочіе его ненавидятъ, за исключеніемъ г. Дювернуа, у которого онъ идоломъ...“ 18 августа: „приказывайте, милостивый государь, вы, что вамъ угодно, я буду повиноваться, но, ради Господа и во имя спокойствія общества, не предоставляйте насть ярости г. Бильфингера“³⁾.

Бильфингеръ оставилъ Россію, вмѣстѣ съ Германомъ, въ январѣ 1731 года. По возвращеніи въ Тюбингенъ, онъ былъ сдѣланъ профессоромъ богословія, а со вступленіемъ на престолъ вюртембергскаго герцогства Карла Александра, который ему оказывалъ личное расположеніе, пользовался большими вліяніемъ на дѣла этой страны; имѣлъ тамъ званіе дѣйствительнаго тайного совѣтника и исполнялъ обязанности президента консисторіи. Въ эту эпоху своей жизни онъ заслужилъ упреки

¹⁾ Рукописный сборникъ г. Свенске, № 378.

²⁾ Всѣ протоколы обѣ этихъ спорахъ сохранились въ 1-мъ портфелѣ Мюллера: Материалы для Исторіи Академіи наукъ съ 1728 по 1748, въ

статьѣ подъ заглавіемъ Zankereyn zwischen Herren Bielfinger und Bernoulli 1729 года». Всѣ бумаги, 75 листовъ, писаны вчернѣ Мюллеромъ.

³⁾ I, Исходящія письма 1728 — 1742 годовъ.

современниковъ за раздачу мѣстъ исключительно своимъ родственникамъ. Что касается до сношений съ нашею Академіею, то Бильфингеръ, сдѣлавшись при отъѣздѣ изъ Петербурга почетнымъ членомъ ея съ пенсіею по 200 рублей въ годъ, не прерывалъ ихъ до конца своей жизни и вель весьма любезную переписку съ Шумахеромъ, съ которымъ такъ воевалъ въ бытность при Академіи. Въ первый же годъ своего возвращенія въ Тюбингенъ, Бильфингеръ произнесъ тамъ рѣчь о достопримѣчательностяхъ города С.-Петербурга. Она была потомъ напечатана¹⁾, и о ней Шумахеръ отозвался къ Блюментросту въ письмѣ, отъ 11 октября 1731 года: „изъ прилагаемой при семъ рѣчи можно чрезвычайно узнать геній г. Бильфингера: она полна живости и путаницы, а также и себялюбія“.²⁾

Другой трудъ Бильфингера, имѣющій соотношеніе съ polemическою церковною литературою нашей, любопытенъ по обстоятельствамъ, которыя вызвали его.

Испанскій посланникъ при русскомъ дворѣ, дюкъ де Лиріа, по родственнымъ связямъ своимъ, усердный сторонникъ Стюартовъ, праздновалъ въ Москвѣ, 20 июля 1729 года, тезоименитство претендента на англійскій престолъ, Іакова III. По этому случаю посольскій проповѣдникъ, испанскій монахъ Бернгардъ Рибера произнесъ рѣчь, и дюкъ де Лиріа просилъ Блюментроста напечатать ее въ типографіи при Академіи наукъ. Президентъ, не просмотрѣвъ рѣчи, передалъ ее Шумахеру, а этотъ поспѣшилъ сдать въ типографію. Между тѣмъ въ этой рѣчи присоединена была молитва за претендента и въ началѣ помѣщено посвященіе ему. Заглавіе этому произведенію дано было такое: *Nomenclatura Boanergica, sive oratio panegyrica, quam in festo S. Jacobi Maioris Apostoli celebrato per Exc. D. D. Jacobum Stuardum Duce de Liria et Xerica etc. Legatum Catholici Regis Hispaniarum in Russiam, in templo Catholicorum Moscuae dixit, et Sacr. Reg. Maiest, Jacobo Tertio, Magnae Britaniae Regi, Defensori fidei etc. offert R. P. Fr.*

¹⁾ Русскій переводъ ея сообщенъ | стран. 694 — 713.
г. Куникомъ въ Ученыхъ запискахъ |
Академіи по I и III отдѣленіямъ III,

²⁾ I, Исходяція письма 1728 — 1742 годовъ.

Bernardus Ribera Barchinonensis, ex, ord. Praed. S. Theol. D. et Regius Professor, Missionar. Aposto. apud eundem D. Legatum etc (въ 4^о). Корректуру этой рѣчи держалъ студентъ Мюллеръ (впослѣдствіи извѣстный исторіографъ), и ему пришло въ голову выставить на заглавіи фантастическую типографію, а именно: „Romaе cum permissu superiorum apud haeredes Francisci Morinelli“. Сдѣлано это было для того, чтобы не навлечь хлопотъ русскому правительству со стороны англійского, которое могло бы потребовать объясненій на счетъ претендента и проч. Однако Мюллеръ этимъ не удовольствовался и сказалъ о содержаніи рѣчи Шумахеру, этотъ — президенту Академіи, а послѣдній просилъ разрѣшенія русскихъ министровъ, которые объявили, что такой проповѣди выпускать въ свѣтъ нельзя. Это было исполнено, но Рибера, доставъ украдкою два экземпляра запрещенной книги, перепечаталъ ихъ въ Варшавѣ съ обозначеніемъ въ заглавіи: *Petropoli jussu D. de Blumentrost, Praesidis Academiae Imperialis, cura D. Schumacher Bibliothecarii!* Рибера тѣмъ не удовольствовался и издалъ въ Вѣнѣ *Responsum antapologeticum*, гдѣ между доводами въ защиту Камня вѣры Стефана Яворского противъ письма, приписанного Буддею, написалъ на стр. 145, что будто Шумахеръ получилъ за печатаніе проповѣди 40 руб., но не выдалъ экземпляровъ, изъ которыхъ на двухъ, тайно полученныхъ Рибераю изъ типографіи, стояло выдуманное мѣсто печати — Римъ. „Nec mirandum, прибавляетъ Рибера, lutherani siquidem omnes sunt de hoc eorumdem justitia et fide etiam civili, hoc sentiendum, quod tales alat et honoret viros Monarchia Russica!“¹⁾ Противъ этой книги Рибера Бильфингеръ сталъ писать возраженіе, о чёмъ такъ сообщалъ Шумахеру въ 1732 году: „все, что я могу сообщить вамъ на этотъ разъ, касается одного предмета. Я работаю первые дни надъ *Apologia evangelico-lutherana ad Augustam Russiae Dominam*, и это противъ Яворского и Рибера. Я, наконецъ, досталъ книгу изъ Вѣны съ великимъ трудомъ, заплативъ за нее вде-

¹⁾ Мюллеръ обстоятельно разсказываетъ все это въ рукописи *Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften*, 234 — 239.

сятеро, и съ изумлениемъ увидаль безстыдство патера. Предпринятый мною трудъ клонится къ слѣдующему: онъ долженъ быть представленъ императрицѣ, и, если вы съ г. президентомъ заблагоразсудите, посвященъ ея величеству, стало-быть мнѣ не слѣдуетъ браниться, но дѣйствовать скромно и основательно. Поэтому полагаю прежде всего въ первой части объясниться вкратцѣ по 12 главамъ Яворскаго, изъ которыхъ у меня есть извлечениѣ, основательно доказывать и скромно защищать, а въ другой отразить вѣжливо и серьезно нападки и лжи патера Рибера. На этотъ конецъ хочу между прочимъ включить въ свое мѣстѣ, если вамъ будетъ угодно, рукопись, сообщенную мнѣ г. Гроссомъ, и защищеніе, составленное противъ грубаго обвиненія на страницѣ 145 вашего высокоблагородія, высокороднаго г. президента, также его превосходительства знатѣйшаго министра. Только прошу я васъ увѣдомить, напечатается-ли это въ Петербургѣ или нѣтъ? Въ случаѣ къ тому у меня нѣтъ недостатка. Кроме того, я писалъ въ Данцигъ касательно изложеннаго на 223 страницѣ, въ Берлинѣ къ г. Яблонскому о страницѣ 204, въ Іену—къ г. Вольдену касательно подозрѣнія, не Буддей-ли написалъ сочиненіе, которое напечатано отъ его имени; также г. Пфафъ сообщитъ мнѣ документъ, что приводимые на страницѣ 68, 69 доводы ложны. Такимъ образомъ думаю я подлинными доказательствами такъ отдать патера, что ему не по сердцу придется споры съ лютеранами. Нужно-ли и полезно-ли будетъ, сообразуясь съ обстоятельствами въ Россіи, идти еще далѣе, о томъ прошу вашего благосклоннаго увѣдомленія. Въ отвѣтѣ патеру Риберѣ въ особенности я старался такъ представить положеніе нашей религії въ отношеніи къ гражданскимъ властямъ, чтобы сдѣлать очевиднымъ ея преимущества и достаточно разъяснить *par contre* притязанія папистовъ на высшую власть правителей. Работу я надѣюсь кончить въ пять недѣль, но изъ нея ничего не напечатаю, пока не получу на это письмо отвѣта и решенія отъ вашего высокоблагородія и г. Гросса".¹⁾

¹⁾ II, Входящія письма 1729 — 1735 года.

Работа Бильфингера, о которой онъ писалъ такъ подробно Шумахеру, издана въ Тюбингенѣ въ 1735 году, подъ заглавиемъ: „Stephani Javorskii Metropolitae resanensis et muro-miensis discursus de poena haeriticorum, noviter ab Ecclesia se avellentium, ex opere illius polemico, quod non ita pridem ruthenico sermone prodiit, in latinum idioma translatus et notulis adiectus, opera Georgii Bernhardi Bülfingeri ss. theol. prof. publ. ord. et illustris stip. superattendentis. (4°, 85 стр.). Но въ этомъ трудѣ нѣтъ вовсе возраженій противъ Рибера, стало быть Бильфингеръ ихъ выпустилъ по какимъ нибудь соображеніямъ; что касается до его полемики съ Яворскимъ, то онъ въ предисловіи прямо говоритъ, что Яворскій извлекъ свои доводы изъ Беллармина, а онъ, Бильфингеръ, заимствовалъ свои возраженія изъ Федора Туммія, противника Беллармина.

Въ угоду герцогу вюртембергскому Карлу Александру, Бильфингеръ занимался также фортификаціею. Нѣсколько статей его по этой наукѣ пересланы были имъ въ нашу Академію. Такъ, 7 и 11 марта 1737 года, читана была въ академическихъ засѣданіяхъ записка его касательно военной архитектуры, но въ ней замѣчательного ничего не найдено.

21 мая 1739 году, президентъ Академіи баронъ Корфъ представлялъ въ Кабинетъ, что Бильфингеръ сдѣлалъ своимъ изживенiemъ медаль, представляющую новый его способъ укрѣпленія городовъ, съ надписью въ честь ея императорского величества, и прислалъ сюда нѣсколько экземпляровъ ея, вмѣстѣ съ ящикомъ, въ которомъ находятся разныя фортификаціонныя модели; что изъ медалей золотая поднесена императрицѣ, серебряная же съ фортификаціонными моделями хранится въ кунсткамерѣ, а потому ходатайствовалось о награжденіи Бильфингера, „дабы какъ онъ, такъ и другие ученыe люди впредь возбуждены были новыми своими изобрѣтеніями распространять славу ея императорского величества“. Сенатъ, 22 февраля 1740 года, далъ знать, что императрица велѣла выдать Бильфингеру 1000 рублей¹⁾). Изъ протокола академического

¹⁾ II, книга № 53.

засѣданія 1 сентября 1740 года видно, что Бильфингеръ, 6 июня 1740 года, прислалъ статью объ укрѣпленіяхъ для представленія отъ своего имени старшему сыну Бирона.

Подъ конецъ жизни Бильфингеръ занимался также ботаникою: въ Комментаріяхъ нашей Академіи напечатаны три его статьи по этой наукѣ. Въ первые годы царствованія Елизаветы были прекращены пенсіи нѣкоторымъ изъ почетныхъ членовъ Академіи въ томъ числѣ и Бильфингеру. Со вступленіемъ графа Разумовскаго въ должность президента, вюртембергскій дѣйствительный тайный совѣтникъ усердно ходатайствовалъ о продолженіи выдачи ему изъ русской казны пенсіона по 200 рублей въ годъ, чтѣ было исполнено, какъ видно изъ письма самого Бильфингера, отъ 24 декабря 1747 года, гдѣ онъ приносить за то благодареніе графу Разумовскому и говорить: „я Россіи обязанъ своимъ состояніемъ, поэтому судите о признательности, которую я къ ней чувствую, чтѣ болѣе всего должно относится къ знаменитому начальнику Академіи“¹⁾). Въ 1749 г. Таубертъ, бывшій за границею, такъ описываетъ свое свиданіе съ нимъ: „Г. тайный совѣтникъ Бильфингеръ при всякомъ случаѣ оказывалъ къ нему, асессору Тауберту, свое усердіе къ Академіи и Россіи, сожалѣя токмо, что нынѣцнія его министерскія упражненія не позволяютъ ему въ учебныхъ дѣлахъ трудъ свой такъ прилагать, какъ бы онъ то для Академіи охотно учинить хотѣлъ. Между тѣмъ онъ, будучи великой охотникъ до виноградныхъ садовъ и имѣя въ своихъ садахъ около Стутгартда и Канштадта почти всѣ сорты винограду изъ всей Европы, принялъ отъ того поводъ разсуждать о томъ, не возможно ли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Украины и около Оренбурга завести виноградъ, потому что сіи мѣста подъ тѣми же градусами лежать, подъ которыми въ другихъ мѣстахъ наилучшія вина растутъ. И понеже заведенной около Астрахани виноградъ по нынѣ не великой успѣхъ имѣль, то онъ сообщилъ ему, г. профессору,.. вопросы, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ туда послать и требовать на то отвѣту, дабы узнать тѣ

¹⁾ I, Входящія письма 1744 — 1747 годовъ.

недостатки, отчего худой успѣхъ въ размноженіи астраханскаго винограда и въ дѣланіи изъ него хорошаго вина происходитъ. Притомъ же просилъ онъ, г. Бильфингеръ, чтобы въ вышеписанныхъ мѣстахъ, а именно на Украинѣ, въ Оренбургской и Казанской губерніяхъ навѣдаться, есть ли такія гористыя си туаціи, которая бы способнѣе были къ заведенію виноградныхъ садовъ и какого состоянія тамошній климатъ, дабы раз смотря всѣ сіи обстоятельства сочинить изъ того проектъ и послать оный къ.... г. президенту".¹⁾

Бильфингеръ умеръ холостымъ 18 февраля 1750 г. О смерти его такъ писалъ къ Эйлеру Крафтъ, 21 февраля 1750 г.: „вашему высокоблагородію съ огорченнымъ сердцемъ долженъ объявить, что напѣь дорогой г. тайный совѣтникъ Бильфингеръ 18 числа этого мѣсяца скончался послѣ болѣзни, продолжавшейся около десяти недѣль. Она состояла изъ неправильной лихорадки (*irregulaires Fieber*), обратившейся наконецъ въ родъ спячки. Его всѣ очень жалѣютъ и высшіе, и низшіе. Когда его братъ, лейбъ медикъ, очень опечаленный, принесъ герцогу извѣстіе о томъ, то его высочество былъ тѣмъ весьма растроганъ и отвѣчалъ: не печальтесь такъ г. лейбъ медикъ, я теряю при этомъ болѣе, чѣмъ вы“....²⁾

W. Drugulin's Allgemeiner Portrait-Catalog, подъ № 1550 указываетъ сдѣланный черною манерою, грудной портретъ Бильфингера, рисованный В. Д. Мейеромъ и гравированный I. I. Гайдомъ.

Слѣдующія статьи Бильфингера помѣщены въ академическомъ изданіи *Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae*: I, 43—120, *De viribus corpori moto insitis et illarum mensura, demonstrationes mechanicae*; 245—261, *De directione corporum gravium in vortice sphaerico et figura nuclei, dissertatio experimentalis*; 317—341, *De variis barometris sensibiliibus et eorum nova specie ac usibus*. II, 233—287, *De tubulis capillaribus dissertatio experimentalis*; 403—414, *De frictionibus*.

¹⁾ II, книга № 120.

²⁾ I, L. Euler's Briefwechsel v. a. 1749 — 1755.

corporum solidorum. III, 196—213, De thermometris et eorum emendatione; 230—241, An aer sanguini pulmones transeunti, misceatur; 242—246, De effectu caloris vel frigoris subitanei in expansionem vel contractionem vitrorum experimentum; 281—292, Disquisitiones physicae de tubulis capillaribus a Jacobo Jurino ad Academiam transmissae ut ejusdem Commentariis inserentur, una cum notis a Georgio Bernhardo Bülfingero, ad quem id negotium pertinuit, adjectis (cons. Comm. II, 233 et seqq.). IV, 144—156, Solutio problematis de vi centrifuga corporis sphaericci in vortice sphaericco gyrantis; 164—181, De solidorum resistentia specimen; 182—187, De tracheis plantarum ex melone observatio. V, 198—212, De radicibus et foliis cichorii disquisitio academica.

Novi Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: VI, 407 — 424, Observationes botanicae et una iridis multiplicis.

Нѣкоторыя изъ поименованныхъ здѣсь статей переведены на нѣмецкій языкъ Мюмлеромъ и напечатаны въ первой части сборника Physikalische und medicinische Abhandlungen der Kayserlichen Academie der Wissenschaften in Petersburg (Riga, 1782).

На русскомъ языкѣ напечатаны въ извлечениіи въ Краткомъ описаніи Комментаріевъ Академіи наукъ (Спб., 1728) двѣ статьи Бильфингера: стр. 100—108, О причинѣ тяжести отъ движенія вихрей и 109—120, О исправленіи барометровъ.